

Н. И. Грачев

РОССИЯ КАК ИМПЕРИЯ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

В условиях глобализации происходит реставрация идеи империи и реновация имперской государственности. Россия изначально строилась и развивалась как империя. Лишь имплантация имперских форм и методов в государственной организации современной России способна обеспечить ей суверенное существование и послужить инструментом возрождения и наращивания собственного потенциала при формировании Евразийского союза.

Ключевые слова: империя, суверенитет, федерация, локальная цивилизация, Евразийский союз, глобализация, новоимперские образования.

N. I. Grachev

RUSSIA AS THE EMPIRE: BETWEEN THE PAST AND THE FUTURE

Under the conditions of globalization the idea of the empire is being restored as well as the imperial statehood is being renovated. Russia was initially built and developed as the empire. It is the implantation of imperial forms and methods in the state organization of modern Russia that is able to provide its sovereign existence and serve as an instrument of its revival and its own capacity building while the Eurasian Union is being formed.

Keywords: empire, sovereignty, federation, local civilization, the Eurasian Union, globalization, new-empire formations.

Основными формами политико-территориального единства государств на протяжении всей истории человечества являлись империя, унитарное государство и федерация. Между тем, в современном государствоведении обычно выделяют лишь две последние. Проблематика имперской государственности не находит необходимого освещения в отечественной юриспруденции. Имперский универсализм почему-то считается опасной принадлежностью прошлого.

Между тем тенденции развития мировой политической системы свидетельствуют о другом.

В настоящее время в условиях глобализирующегося мира происходит реновация имперской государственности, реставрация идеи империи и имперского суверенитета. О возрождении имперских традиций в новых условиях свидетельствуют проекты образования мирового государства и мирового правительства, глобального правления на основе деятельности сетевых структур, попытки создания однополярного мира на основе финансового, военного и геостратегического господства США,

формирование мегафедеративного образования на территории современной Европы, обладающего ярко выраженными имперскими признаками [1]. В то время как национальные государства сползают к уровню обладания второстепенным статусом, политическая карта мира указывает на государства континентального типа — «стержневые государства», способные объединить под своей эгидой крупные географические регионы, т. е. создать новые имперские образования. К государствам такого типа уже сейчас можно отнести Китай. В качестве кандидатов на эту роль называют Индию, Японию, Германию и Россию, определяя их как «дремлющие», «скрытые», «раскрывающиеся» либо «обороняющиеся» империи [2].

Как свидетельствует исторический опыт, путь имперского строительства — необходимый и вполне закономерный путь существования и развития великих держав [3, с. 256]. Империя представляет собой особую, но совсем не уникальную форму государственного устройства. Это одна из самых древних и наиболее устойчивых форм политической организации общества, часто выступающей государственно-правовой оболочкой существования локальной цивилизации, представляющей собой

исторически культурную общность различных наций и народов, занимающих определенный географический ареал. Именно их объединение в рамках единой культурной парадигмы делает империю универсальным государством и позволяет ей дорасти до целостной цивилизации. Неотъемлемыми атрибутами объединения здесь всегда являются взаимные соглашения, союзы, договоры, федерирование отдельных частей, протектораты и покровительство. основополагающей идеей политической и территориальной экспансии империи является принцип включения и поглощения присоединяемых народов в имперскую государственную организацию, а не их подавления и эксплуатации. По отношению к ним империя обладает некоей цивилизаторской миссией (введение обычаев мира, политических, правовых, культурных и иных стандартов и т. д.), придающей имперской власти дополнительную легитимность и оправдывающей ее существование.

Естественно, что территориальное пространство империи оказывается весьма неоднородным и многообразным не только по своим этническим, религиозным, хозяйственным и другим свойствам, но и политико-правовым качествам и статусным характеристикам входящих в нее региональных частей. Империя наряду с административно-территориальными единицами включает в себя разностатусные этнические образования, находящиеся в разной степени политической, административной и правовой зависимости от имперской верховной власти. Поэтому ее политико-территориальное устройство основывается на своеобразном сочетании принципов федерализма, конфедерализма, самоуправления, автономии и децентрализации при стойкой тенденции к централизованному унитаризму, которая, однако, никогда не достигает своего логического завершения, оставаясь лишь парадигмальным направлением развития имперской государственности [4].

Империя есть высшее состояние государства, вырастающее из иерархии человеческих союзов, перерастающее свои национальные границы [5, с. 388—389] и объединяющее под одной, единой верховной властью различные этносы и

народы, государства и политико-территориальные образования. Основным политико-правовым признаком империи является единство политического пространства и единство имперского суверенитета по отношению к внешнему миру как исключительной сфере деятельности имперского центра. Что касается многообразия статусов территорий, входящих в состав империи или находящихся в зоне ее влияния, а также степени их правовой и фактической самостоятельности, то они могут быть тем шире, чем более духовным (идейным, культурным, интеллектуальным, моральным) характером обладает объединяющий их суверенный имперский центр, чем могущественнее его уравнивающая сила, глубинное влияние.

Все сказанное в полной мере относится к России. Россия почти изначально, с момента объединения славянских и финно-угорских племен, была потенциально имперским государством. На протяжении всей своей истории русский народ шел по пути политической и пространственной интеграции, имперостроительства и цивилизационной экспансии [6, с. 196]. Неслучайно британский ученый и политик Х. Дж. Макиндер считал Россию главной сухопутной державой современности, которая наследует геополитическую миссию Рима, империй Александра Македонского и Чингиз-хана, называл ее «географической осью истории» и считал, что она не может не осуществлять своего геополитического предназначения независимо от различных внешних и сугубо преходящих факторов [7, с. 7—30]. Уже начиная с XVI в., Российское государство начинает превращаться в империю, в которой наряду с русским по происхождению имперским ядром все больший удельный вес постепенно приобретают иные этнополитические компоненты.

Империи никогда не бывают только унитарными. И Российский Император правил Финляндией как Князь Финляндский (конституционный монарх в отличие от самодержавного русского царя). Завоевание Средней Азии не привело к ликвидации Бухарского эмирата и Хивинского ханства, равно как и к отмене там традиционного исламского права. В единой и неделимой Империи не существовало единого юридического

пространства. На ее территории действовало немецкое балтийское право, особое законодательство для Польши, мусульманское право в Средней Азии и некоторых других регионах. За пределами юрисдикции родовых органов управления коренными народами Сибири находились лишь наиболее тяжкие преступления и ряд гражданских дел, если по ним не было достигнуто приемлемое для обеих сторон решение. Не существовало и единого денежного пространства, так как Финляндия имела собственную монету. А наличие в имперской армии многочисленных регулярных частей, формируемых по этнорелигиозному и территориальному принципам, подрывало, по крайней мере формально, идею единства вооруженных сил. Но основной признак империи — единство политического пространства, единство имперского суверенитета, сфера верховной власти Белого царя — оставался незыблемым. За государем-императором в полном объеме сохранялась вся полнота верховной власти при решении вопросов общегосударственного значения. В то же время в целом ряде областей, интегрированных в состав Российской империи — в Прибалтике и на Украине, обширных территориях Сибири, в Бессарабии, среди северокавказских народов, в Грузии, Азербайджане, Ереванской и Нахичеванской областях, Средней Азии, Польше и Финляндии — система управления и правового регулирования сохраняла ярко выраженную местную специфику и этно-культурное происхождение, что как раз и характерно для континентальных империй.

Все это, однако, не создавало сущностных предпосылок для полной федерализации политико-территориальных отношений. И хотя после революции 1917 г. партия большевиков попыталась «вести» федерацию, восстановление российской государственности в новой советской форме неизбежно повлекло за собой возрождение прежних имперских механизмов и установок — иной альтернативы не было [8, с. 186—187]. Изменилась идеология, поменялись термины, внешний облик, политико-правовая оболочка российского государства. Но суть осталась прежней — имперской, что обусловило своеобразное оригинальное сочетание конфедерализма, федерализма и автономии при устойчивой тенденции к унитаризму в

организации советской государственности. Попытка федерализации политико-территориального устройства СССР тем не менее принесла свои плоды в виде наличия политико-территориальных форм самоуправления целого ряда наций и народов, населяющих СССР, что привело к образованию их собственной государственности. Поэтому образование и существование СССР следует рассматривать как определенный и необходимый этап в развитии Российского государства.

Непонимание государственной природы России и Советского Союза как одной из форм ее имперского существования явилось одной из основных причин распада СССР и многих межнациональных и региональных конфликтов в Российской Федерации и на всем постсоветском пространстве. Как только Советский Союз продемонстрировал свою слабость, пошел на поводу у своих геополитических противников и попытался замкнуться на своих внутренних проблемах, отступив из Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Афганистана, сразу начался процесс отмежевания и близкой периферии в лице его союзных республик. Аналогичные процессы происходили и внутри Российской Федерации — раздача суверенитетов национальным республикам и административным регионам, сужение территорий, воспринимаемых как историческая Россия. Строительство новой модели государственного устройства все 1990-е годы происходило в России в борьбе между конфедеративными, федеративными и унитарными тенденциями. В большинстве регионов, освободившихся от опеки центральной власти, сложились достаточно жесткие авторитарные или, во всяком случае, не демократические режимы [9]. Не удавалось решить проблемы взаимодействия региональной и местной власти. Инсталляция скроенных по западным образцам моделей федерализма и местного самоуправления привела к росту сепаратизма, падению эффективности деятельности государственных органов, межнациональным конфликтам, коллизиям между различными уровнями власти.

В результате к концу 90-х годов XX в. Россия получила очень рыхлое государственное устройство с тенденцией к обособлению регионов в удельные княжества, превращению ее в конфедерацию или во фрагментированную систему авторитарных режимов и компрадорских

образований. Попытка уйти от имперскости и построить новую государственность на сугубо федеративных началах все явственнее вела к дезинтеграции страны, утрате ее суверенитета, потере самостоятельности и независимости. Классическое федеративное устройство оказалось чуждым российскому правопорядку.

Реформа федеративной системы, проведенная в годы первых двух сроков президентства

В. В. Путина (2000—2008 гг.), позволила сохранить и укрепить российскую государственность.

В результате был создан фактически новый централизованный тип государственного устройства, сохраняющий элементы федерализма, но имеющий устойчивую тенденцию к унитарной модели организации. Усиление унитарной компоненты в территориальной организации страны оказалось совершенно необходимым условием сохранения суверенитета как неперемennого условия самого существования Российского государства

и явилось основой построения новой вертикали власти. Однако, несмотря на достигнутый положительный эффект, реформа лишь воспрепятствовала дальнейшему разложению Российской государственности, но не смогла решить многие накопившиеся за последние десятилетия проблемы как внутреннего, так и внешнего характера.

В настоящее время внутри страны усиливаются антироссийские и сепаратистские настроения

в ряде республик Северного Кавказа и других регионах со значительным мусульманским населением. Идет тотальная атака на Русскую православную церковь и ее решающую роль в российском обществе. В стране действует ваххабитское подполье, проводящее террористические акты против исламских священников, являющихся сторонниками политики центральной власти. Наблюдается резкое ухудшение качества деятельности самой властной вертикали, которая в условиях возрастающей социально-экономической нестабильности перестает функционировать как единое целое, теряет управляемость, распадается на бюрократические кланы, замыкающиеся на узкокорпоративные и региональные интересы.

Во внешней политике как и прежде, но еще в более острой форме Россия сталкивается с силами, стремящимися к геополитической перестройке мира и бросающими вызов ее целостности и суверенитету. Нестабильность в отношениях

с ближним зарубежьем привносит чрезмерно политкорректное поведение российского руководства по отношению к постсоветским странам, проявляющееся не только в отказе от своей экспансионистской природы, но и в обращении с ними как равными партнерами, устранении или запаздывании

в решении целого ряда проблем на приграничных территориях (вопросы статуса Приднестровской Республики, Крыма, Абхазии, Южной Осетии и др.).

Исходя из этого, необходимо констатировать возможность нового, теперь уже не только юридического, но и фактического демонтажа наследия Советского Союза, дележа его территорий без участия России и без оглядки на нее. В условиях, когда рухнул социалистический проект глобализации и совершенно очевидной является невозможность ее проведения на либерально-демократических началах, на первый план в мировой политике выходят новые имперские образования с присущим их природе геополитическим мышлением.

В этих условиях слабые постсоветские государства обречены [10]. Это касается практически всех бывших республик СССР. На земли Украины, Белоруссии и Литвы претендует Польша, политические лидеры которой мечтают о восстановлении Речи Посполитой от Черного до Балтийского моря. Румыния уже практически подготовила почву для аннексии Молдовы. Латвия и Эстония остаются спорными территориями. Ввиду набирающих силу и мощь Турции и Ирана, на землях которых идет процесс регенерации двух исторических империй — Османской и Персидской, весьма проблематичной видится будущность закавказских республик. Среднеазиатские государства, возможно, и устоят как формально независимые политические субъекты, но в экономическом отношении они уже в настоящее время находятся в зоне китайского влияния, что, в конечном счете, может определить и их политическую будущность.

«Грядет век империй» [10], и слабые постсоветские государства вполне могут и, по политической логике, должны стать жертвами

новых империалистических держав. При этом их судьбу вполне может разделить и Россия. В то же время пока еще возможен и другой сценарий. Спасая себя, Россия может спасти и другие евразийские народы, сохранить их национальную и цивилизованную идентичность и политическую автономию. По сути, для нее это двуединая задача. Без них спастись и сохранить себя Россия также не в состоянии. Необходимо понимать: все, что происходит в пределах бывших советских границ, внутри цивилизационного евразийского пространства, несмотря на жесткость конфликтов и видимую необратимость изменений, происходит внутри границ бывшей Российской империи. Можно поэтому сказать, что рубежи России — это рубежи постсоветского пространства и наоборот: и защищать свой суверенитет и границы Россия должна именно там [11, с. 141—145].

Однако для этого российскому государству необходимо решить основополагающую задачу в области государственного строительства, а именно найти адекватную форму государственного устройства, способную обеспечить ей территориальную целостность, внешнюю и внутреннюю безопасность и суверенитет. Сквозь призму оптимальной политико-территориальной организации следует рассматривать и политику России по отношению к бывшим республикам Советского Союза.

Несмотря на все потери и провалы своей политики, современная Россия по-прежнему остается потенциально, а в чем-то и по факту имперским государством. Отсюда вытекает необходимость освобождения политико-правового понятия империи от негативного употребления и восстановление его в отечественной юридической традиции. Необходимо также и официальное признание имперской природы России. В пользу такого признания говорят: гигантская величина российского пространства, являющаяся одной из ключевых доминант политической культуры и правовой ментальности страны; сохранение этнокультурной и этнополитической гетерогенности этого пространства; преемственность новой российской государственности по отношению к прежним, в том числе и советским имперским формам [12, с. 62], что лишний раз было подтверждено

легкостью построения новой властной вертикали, имперской по форме и назначению.

Задачи модернизации российского общества и создания государственности, соответствующей современным условиям и тенденциям мирового политического развития, могут быть успешно решены, если будут опираться на соприродные культурно-историческому коду России политико-право-вые формы и принципы управления. В связи с этим представляются тупиковыми как путь выстраивания абсолютно унитарного государства, ведущего к механической унификации и радикальной гомогенизации территориального устройства, так и дальнейшие попытки строительства классической федерации с экономически самодостаточными равностатусными субъектами. «Российская Федерация — нетипичная, „отклоняющаяся“ от классических образцов, уникальная форма государственно-правового устройства, что требует бережного отношения к ее истории, традициям и культуре» [13, с. 388].

Поэтому при совершенствовании государственного устройства России необходимо опираться на принципы построения РСФСР как государства с преобладанием унитаризма и наличием национально-территориальной, политической и административной автономии. Нужно признать, что национально-государственная политика советского периода велась в целом в верном направлении,

в ее рамках принимались правильные и перспективные решения, способствующие устранению сложных проблем и противоречий в сфере национальных отношений. Постсоветская Россия представляет собой сложный, многослойный, объективно асимметричный этнополитический симбиоз. Поэтому и асимметрия конституционно-правовых статусов субъектов Федерации сама по себе не дурна и не хороша. Она объективна. Но из этого следует, что нынешние принципы государственного устройства России в своей основе могут позволить достичь государственной стабильности и устойчивости, если, конечно, центральная власть прекратит проводить порочную политику избирательных отношений с регионами — политику односторонних преференций и ограничений, не связанных с их статусом и не диктуемых объективными условиями.

Единственной принципиальной проблемой, не имеющей пока простого правового решения из-за жесткости действующей Конституции РФ, является наличие формального государственного статуса у всех субъектов Федерации, который и создает юридические основания для регионального и особенно этнополитического сепаратизма, претензий на собственный суверенитет и т. д. Именно в направлении постепенной ликвидации этого статуса и проходила первоначально «федеративная» реформа президента В. В. Путина, сбившись затем на путь административной централизации, подменив суть проблемы попыткой одномерной унитаризации политико-правового пространства.

Совершенно ясно, что большинство республик в составе России не имеют необходимых предпосылок собственной государственности. Вполне назревшим с точки зрения экономического, политического и культурного развития российских регионов выглядит «возвращение» Адыгеи в состав Краснодарского края, Карачаево-Черкесии — в Ставропольский край, Республики Алтай — в состав Алтайского края, Хакасии — в Красноярский край. Явно аномальным выглядит существование

в качестве субъекта Федерации Еврейской автономной области. В рамках существующего законодательства по отношению к республикам необходимо проводить политику изменения их статуса, как это уже происходит с автономными округами. Но если основной формой статуса этих округов становится административная автономия, то для республик ею должна быть автономия политическая. При полном отсутствии суверенитета политические автономии могут обладать достаточно широкими полномочиями в сфере собственного нормотворчества, учитывающего местные условия и традиции, с опорой на обычное право и религиозные нормы.

Такой подход совсем не означает повсеместной «губернизации» республик. Вполне возможно сохранение каких-либо форм государственности для целого их ряда. В отношениях с республиками руководящей идеей должен стать принцип многообразия и гибкости форм национального самоопределения. Жесткие юридические рамки не могут заранее предусмотреть движение жизни, возможность «перерастания» народами своих статусов. Поэтому имеется необходимость

конституционного закрепления достаточно широких юридических рамок существования и развития этносов, населяющих нашу страну [13, с. 387—389]. В этой связи представляется вполне оправданным именно с имперских политических позиций спокойное отношение федеральной власти к сохранению принципа ограниченного суверенитета в конституциях двух республик (Татарстана и Чечни) [14],

хотя с сугубо юридической, «федералистской» точки зрения данный факт может показаться противозаконным, так как входит в прямое противоречие

с решениями Конституционного суда РФ 2000 г. [15]. На данном этапе сохранение государственного статуса следует признать целесообразным за пограничными республиками (Тыва, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия). Возможно предоставление особого статуса некоторым окраинным регионам (Калининградская область), но это ни в коем случае не должно умалять полноту суверенных прав верховной власти при решении вопросов общегосударственного значения.

Таким образом, и рафинированная федерация, и классический унитаризм, и современный западный регионализм неорганичны для нашей страны. Ее государственное устройство не поддается описанию в этих терминах. В настоящее время идет процесс поиска собственных имманентных ей форм государственности применительно к настоящим условиям. Однако совершенно очевидно, что Россия по-прежнему не утратила своей имперской специфики. И эта специфика настоятельно требует сочетания различных принципов государственного устройства применительно к разным региональным образованиям на ее территории при полной элиминации возможностей конфедерализации страны и доминирования принципа унитаризма как общей константы своей внутренней организации.

Зато принципы федерализма, конфедерализма и протектората могут быть в полной мере задействованы при целенаправленном формировании интеграционных процессов на постсоветском (евразийском) пространстве. Их использование является важнейшим организационно-правовым инструментом возрождения и наращивания потенциала России в качестве центра притяжения сопредельных стран и народов, а также ее актуализации в качестве

системообразующего элемента при образовании нового содружества наций на евразийском континенте.

Идея Евразийского союза, озвученная В. В. Путиным в преддверии избирательной кампании по выборам Президента России [16], уже давно разрабатывается патриотически настроенными российскими учеными. Но в настоящее время ее реализация стала востребованной как никогда. В этом нуждается не только Россия, но и другие республики бывшего СССР. Мир, безопасность, развитие и процветание их народов возможны только в рамках евразийского вектора движения. Двадцать лет, прошедших с распада Советского Союза, показали, что эти республики не могут состояться в качестве суверенных, независимых государств и рано или поздно окажутся поглощенными более сильными державами, либо попадут в сферу их политического влияния. Поэтому Евразийский союз, созданный на базе единого таможенного пространства, экономического сообщества, договора о коллективной безопасности, должен будет как можно скорее эволюционировать от союза конфедеративного типа к полноценному государственно-правовому объединению с единым культурным, хозяйственным, военным, валютно-денежным, а в итоге, политическим и социальным потенциалом.

Список библиографических ссылок

1. Бабурин С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2005. С. 671, 672; Каспэ С. И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. С. 206.
2. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 2005. С. 312, 371—375; Хангтингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 238—280.
3. Устрялов Н. В. К вопросу о русском империализме // Нация и империя в русской мысли XX века. М.: ПРЕНСА, 2004.
4. Грачев Н. И. Имерия как форма государства: понятие и признаки // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5: Юриспруденция. 2012 № 2 (17). С. 22—23.
5. Смолин М. Б. Тайны русской империи. М.: Вече, 2003.
6. Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М.: АРКТОГЕЯ — центр, 1999.
7. Макиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Классики геополитики XX века. М.: АСТ, 2003.
8. Каспэ С. И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. С. 186—187.
9. Кузьмин А. С., Мелвин Н. Дж., Нечаев В. Д. Региональные политические режимы: опыт типологизации // Полис. 2002. №3. С.142—155.
10. Баринев А. Новый век империй [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Регнум», 2009. URL: <http://www.regnum.ru/> (дата обращения: 12.05.2013).
11. Ионин Л. Г. Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высш. школы экономики, 2010.
12. Каспэ С. И. Конструировать федерацию — *renovatio imperii* как метод социальной инженерии // Полис. 2000. №5.
13. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2010.
14. Конституция Республики Татарстан, ст. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tatar.ru> (дата обращения: 12.05.2013); Конституция Чеченской Республики, ст. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://roszakon.narod.ru/> (дата обращения: 12.05.2013).
15. Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 25. Ст. 2728; 2001. № 20. Ст. 2059.
16. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт.